

С. В. Рудакова

ББК 83.3(2)

УДК 82.94

DOI 10.52172/2587-6945_2021_15_1_148

С. В. Рудакова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamsu@mail.ru*

«КРЫЛАТЫЙ СЧАСТЬЯ МИГ...»: ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ К. Н. БАТЮШКОВА²

В центре внимания статьи – анализ поэтического мира К. Н. Батюшкова, выявление своеобразия представлений о счастье этого поэта. Используя мотивный, герменевтический, статистический анализ (проанализирована лексема счастье из лирики этого русского поэта-романтика на основе данных из поэтического корпуса русского языка), выявлены особенности понимания счастья в лирике Батюшкова, рассмотрена динамика изменений представлений о счастье этого поэта. Акцентировано внимание на важнейшей особенности поэтического мира Батюшкова – двойственности. И проявляется она не только в том, что он поэт, сформированный одновременно под влиянием и эпохи XVIII века, с ее строгими правилам, и Александровского времени, с его духом вольности. Двойственность Батюшкова проявляется и в парадоксальном соединении в его творчестве гедонистического, эпикурейского, жизнерадостного отношения к жизни, сближающего его, например, с французским элегиком Э. Парни, с трагическим отношением к миру, связанным с пониманием кратковременности жизни, мимолетности счастья. Сделан статистический анализ частотного употребления лексемы счастье/счастье в лирике А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, Е. А. Боратынского и К. Н. Батюшкова. Это позволило увидеть, что слово счастье, не будучи представленным среди 20 активно используемых Батюшковым слов, тем не менее в частотном плане использования оказывается максимально представленным именно

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

в его поэзии по сравнению с творчеством названных современников автора. Выявлено влияние легкой поэзии на формирование художественного мира Батюшкова, показана связь этого поэта с просветительским отношением к жизни и счастью. Рассмотрено влияние на Батюшкова эвдемонических (берущих начало в античной философии) представлений о счастье, показано, что очень часто это явление оказывается соотносимо с аксиологическими категориями, прежде всего с понятием совесть.

Ключевые слова: К. Н. Батюшкова, поиски счастья, легкая поэзия, гедонизм, эпикуреизм, эвдемонизм, мечта, страдание, «Блажен, кто...»

Вступление

Константин Николаевич Батюшков – один из тех поэтов, кто наряду с В. А. Жуковским стоял у истоков русского романтизма. В сознании современников он, в первую очередь, воспринимался как продолжатель традиций «легкой поэзии» [12], как предводитель анакреонтической лирики [20]. Его, как в последующем другого романтика Е. А. Боратынского, часто сопоставляли с французским элегиком Эваристом Парни [19], называя «русским Парни» или, как это делал П. А. Вяземский, «Парни Николаевичем». Обусловлено это не только тем, что Батюшков переводил много произведений из творчества французского поэта, но и тем, что отличающиеся особой тематикой, легкостью звучания, наполненные жизненной энергией стихотворения Парни оказывались в какой-то момент времени во многом созвучными творениям русского автора.

Вообще личность и творчество Батюшкова – явление во многом противоречивое в истории русской культуры. Для многих читателей Батюшков прежде всего связан с культом гедонистических удовольствий, определяется это тем фактом, что целый ряд своих стихотворений русский романтик посвятил воспеванию земных удовольствий. Именно в таком ракурсе воспринимал Батюшкова юный А. С. Пушкин: «Философ резвый и пиит, / Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любимец...» [16, I, 72]. Однако эстетическая позиция Батюшкова много сложнее обычного гедонизма.

Стоит взять во внимание то, что поэт принимал участие в нескольких военных кампаниях, в том числе в заграничном походе на Наполеона 1813–1814 гг., увидел непарадную сторону войны, не раз смотрел смерти в лицо. В творчестве этого автора можно обнаружить немало страниц, посвященных драматичным моментам истории, вызывающим совсем нерадостные мысли. Именно Батюшкову

С. В. Рудакова

принадлежат глубоко трагические размышления о событиях французской революции и последующих катастрофических изменениях, произошедших в обществе, мысли эти звучат даже в наше время обнаженно остро и актуально. Так, в 1811 году он писал Н. И. Гнедичу: «И вот передо мной лежит на столе третий том *Esprit de l'histoire, par Ferrand* [Дух истории Феррана (франц.)], который доказывает, что люди режут друг друга затем, чтоб основывать государства, а государства сами собою разрушаются от времени, и люди опять должны себя резать и будут резать, и из народного правления всегда родится монархическое, и монархий нет вечных, и республики несчастнее монархий, и везде зло, а наука политики есть наука утешительная, поучительная, назидательная... и еще бог знает что такое! Я закрываю книгу. Пусть читают сии кровавые экстракты те, у которых нет ни сердца, ни души» [3, 136].

Все это заставило Г. А. Жуковского в характеристике своеобразия художественного мира Батюшкова выйти на такое обобщение: «Батюшков – поэт еще более трагический, чем Жуковский. Это – поэт безнадежности. Он не может бежать от мира призраков и лжи в мир замкнутой души, ибо не верит в душу человеческую, как она есть; душа человека для него – такая же запятнанная, загубленная, как и мир, окружающий ее» [11, 165.].

Жизнь К. Н. Батюшков по какой-то жестокой прихоти судьбы будто бы раскололась на 2 части. С первым периодом связана история влетов, открытий, находок и ошибок, время славы, когда, оказавшись на русском литературном Олимпе, поэт заставил образованное русское общество говорить о своих произведениях, обсуждать свое творчество. Но время и возможности, ему отпущенные, не позволили достичь совершенства, максимума в творческой эволюции. И современники, и сам Батюшков осознавали, что он был скорее лишь в середине своего славного поэтического пути. С этим ощущением Батюшков, уже предчувствуя наступление болезни, поделился в разговоре со своим ближайшим другом в 1821 году, сравнивая собственное творчество с красивым сосудом, который так и не был доставлен по месту назначения: «Что писать мне и говорить о стихах моих? Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!» [8, 481]. А. С. Пушкин в 1825 году споре о Батюшкове с А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым встал на защиту поэта, заявив: «...уважим в нем несчастья и не созревшие надежды» [16, XIII, 134].

Второй период Батюшкова связан с мрачным безумием. В возрасте тридцати четырех лет, на пике своего духовного развития, поэт оказался пораженным неизлечимой психической болезнью. Он пробыл на свете ещё ровно столько же в сумеречном состоянии, пережив своих современников, будучи оплаканным ими заживо. Будто жестоко играя с ним, судьба давала Батюшкову возможность осознать, кто он и что с ним произошло. В редкие минуты таких просветлений он во всей полноте ощущал трагедию своего настоящего и обречённость будущего. Сохранились высказывания поэта периодов его временных возвращений к осознанному бытию; так, его врач, Антон Дитрих, зафиксировал в своих записях произнесённые вслух мысли Батюшкова о собственной жизни: «Это сказка о сказке одной сказки». Казалось, что эти моменты просветления давались поэту, чтобы он констатировал собственную гибель: «Меня уже нет на свете» (страшное прозрение Батюшкова, поражённого страшным недугом).

Своеобразным подведением итогов земной истории Батюшкова стало произведение, написанное им ещё в Италии в 1821 году, когда уже началась активная борьба с болезнью, но при этом ещё оставалась смутная надежда на то, что он сумеет с недугом справиться. Именно тогда поэт написал стихотворение, которое спустя 34 года, проведенные им в состоянии безумия, он воспроизведет на грифельной стене рядом со своей постелью. Речь идет о произведении «Изречение Мельхиседека» («Ты знаешь, что изрек...»). Это произведение, сопоставимое по содержанию с пушкинским стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», можно рассматривать как сообразное завещание поэта, выразившего в этом тексте всю глубину отчаяния и беспросветного пессимизма, которые лишили Батюшкова прежней эпикурейской радости и возможности наслаждаться жизнью и гедонистическими удовольствиями. В этом стихотворении в концентрированной форме проявились эстетические и художественные особенности позднего творчества. Неслучайно, говоря об этом произведении, Д. Д. Благой дал ему определение «как поистине могильной плиты» в творчестве поэта. [6, 734].

Среди важных характеристик поэтического мира Батюшкова, которые обращают на себя внимание, – его двойственность, что определяется в том числе эстетической позицией поэта, сформированной, с одной стороны, под влиянием XVIII века, эпохи строгих правил, а с другой стороны, под воздействием нового александровского времени, отличающегося духом свободомыслия. Двойственность Батюшкова и в другом. В его лирике обнаруживаются легкость, беспечность, эпикуреизм, его лирический герой способен

ценить человеческое земное счастье, он обращен душою и мыслью к Фортуне, готов наслаждаться жизнью. Не случайно в поэзии Батюшкова одно из слов, активно им используемых, – это *счастье*, хотя, как отмечают Н. Л. Васильев и Д. Н. Жаткин, среди 20 «наиболее активных полнозначных слов в поэзии» [8, 17] этого автора данное слово не используется. Но при этом поэзию Батюшкова отличает трагичность, которая с годами лишь усиливается, приводя поэта к размышлению не столько о счастье, сколько о несчастье человека как жизненном уделе. Так, А. Ю. Сергеева-Кляпис, отмечает двойственность творчества Батюшкова и называет его «певцом радости» – «поэтом безнадежности» [21].

Если проанализировать частотную активность использования лексемы «счастье» у знаковых поэтов первой трети XIX века, то обнаружим, что наиболее востребованным оно оказывается именно у Батюшкова (см. таб. 1.)

Для поэтического корпуса К. Н. Батюшкова найдено: 172 документа, 34 879 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Батюшкова даёт 30 документов и 48 словоформ, лексемы «счастье» соответственно – 18 документов и 21 словоформу.

Для поэтического корпуса А. С. Пушкина найдено: 927 документов, 195 572 словоупотребления, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Пушкина даёт 62 документа и 86 словоформ, лексемы «счастье» соответственно – 23 документа и 26 словоформ.

Для поэтического корпуса В. А. Жуковского найдено: 701 документов, 347 067 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Жуковского даёт 121 документ и 201 словоформу, лексемы «счастье» соответственно – 60 документов и 80 словоформ.

Для поэтического корпуса А. А. Дельвига найдено: 205 документов, 28 428 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Батюшкова даёт 24 документа и 33 словоформы, лексемы «счастье» соответственно – 10 документов и 14 словоформ.

Для поэтического корпуса Е. А. Боратынского найдено: 247 документов, 39 641 словоупотреблений, а поиск лексемы «счастье» в поэтическом корпусе Батюшкова даёт 42 документа и 57 словоформ, лексемы «счастье» соответственно – 15 документов и 17 словоформ.

Табл. 1: количество словоупотреблений (КСУ), частота – абсолютная частотность употребления существительных в словоформах (по данным поэтического корпуса русского языка¹ (ПКРЯ)), сокращение ОЧ_10Т означает: средняя относительная частотность (ОЧ) лексемы, приходящаяся на 10 тысяч (10Т) словоупотреблений поэтического текста (см. подробнее о характере таких подсчетов [14, 48])².

Поэт	Пушкин	Жуковский	Дельвиг	Боратынский	Батюшков
счастье + счаствие (частота)	86+ 26= 112	201+80= 281	33+14= 47	57+17=74	48+21= 69
КСУ в ПКРЯ	195572	347067	28428	39641	34879
ОЧ_10Т счастье	5,73	8,09	16,53	18,66	19,78

К. Н. Батюшков – один из тех русских поэтов, кто задумывается над вопросом, что есть человеческое счастье, как можно его обрести, в чем оно заключается, можно ли его удержать.

Можно утверждать, что именно Батюшков ввел в русскую поэзию образ лирического героя, являющего собою персонификацию представлений автора о жизни и её важнейших явлениях. И среди значимых особенностей лирического героя ранней лирики Батюшкова – эпикурейство, олицетворившее в понимании поэта важнейшие ценности жизни. Тусклому, лишенному радостных красок существованию Батюшков противопоставил свою мечту о другой жизни, в центре её – личность совершенная, яркая и прекрасная, открытая миру, ценящая радость и веселье. В отличие от В. А. Жуковского, чья романтическая мечта о гармоничной идеальной жизни окутана таинственностью и облечена в мелодичные напевы, Батюшков представлял свою мечту в грациозных, изящных, пластических формах, образцом которых было для него искусство эпохи «детства человечества». Именно в античности находил Батюшков образцы идеальных взаимоотношений между человеком и миром.

¹ ПКРЯ – подкорпус национального корпуса русского языка (НКРЯ), появился относительно недавно, в 2006 (см. подробнее [10]).

² Мы выражаем благодарность Я. М. Марголису за сравнение статистических данных по лирике К. Н. Батюшкова, полученных в результате анализа ПКРЯ, с данными, полученными методом сплошной выборки.

Подлинно гармоничский человек, представший в поэтическом воображении молодого Батюшкова, был способен бурно проявлять свои эмоции, с радостью предаваться чувственным наслаждениям, не забывая и о духовных. Чем больше удовольствия получал от жизни человек, тем, по мнению поэта, совершеннее и прекраснее он становился, тем очевидней была его связь с миром счастья. Но жестокая и аморальная действительность убивает лучшие побуждения души, не давая возможности наслаждаться красотой природы, искусством, духовностью человека, независимо от его положения в обществе, связей, богатства, занимаемых чинов.

Уже в ранний период творчества Батюшкова, если вчитаться в поэтические строки его произведений, изучить его эпистолярное наследие, обнаруживается, что не все было так радостно. В образе поэта, каким он предстает и в жизни, и в поэзии первого периода, угадываются прототипические черты литературного героя, которые станут для романтиков, а позже и для реалистов самым востребованным литературным типом, речь идет о преждевременно духовно состарившемся человеке, разочарованном, духовно неудовлетворенном жизнью. Приметами подобного героя стали такие черты, как «изношенность души», скука, охота к перемене мест, разочарованность, стремление к уединению даже среди рассеяний света (все то, что мы обнаруживаем в многочисленных характеристиках Батюшкова, как и в автопортретах). По сути дела, этот психологический комплекс составил основу психологического портрета и такого важного для русской литературы типа героя, как лишний человек. То есть Батюшков стал в какой-то степени предтечей онегинского типа в русской литературе.

Батюшков, анализируя свое творчество, себя, создает собственный автопортрет, в котором акцентирует внимание на двойственности, проявляемой в различных моментах: «Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь, завтра ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока... Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое – умирал. В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся – в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни была, есть свинцовое бремя... Он служил в военной службе и в гражданской... Обе службы ему надоели, ибо поистине он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста... Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать; иногда туп,

косноязычен, застенчив. Он жил в аде; он был на Олимпе... Он благословен, он проклят каким-то гением... В нем два человека... белый и черный... оба живут в одном теле» [7, 424].

Батюшков, принимая романтический взгляд на мир, понимал, как далека реальность от идеала. Осознавая слабость человека, он в попытке укрыться от несправедливой и жестокой действительности придумал, по его собственным словам, «маленькую философию». В ней он парадоксальным образом соединил скептицизм философов-просветителей, прежде всего Монтеня и Вольтера (см. подробнее [1; 2; 15; 17]), с чувствительностью, которую усвоил из легкой поэзии, гедонизмом, воспринятым из культуры и философии античности, с эвдемонизмом, берущим свое начало в работах Сократа и Аристотеля [13], доказывающим, что счастье – это категория прежде всего этическая, и привести к счастью может добродетель и мудростью [13, 156]. Создав особый образ личного счастья, Батюшков вслед за Сократом и Аристотелем, с одной стороны, а с другой – идя по пути сентименталистов, прежде всего Н. М. Карамзина, высказывал надежду, что подлинное наслаждение жизнь и истинное счастье может познать тот, кто далек от блеска и роскоши света, кто не гонится за материальными удовольствиями, а имеет добродетельную душу.

Близость представлений Батюшкова о счастье эвдемонической философии античных мыслителей обнаруживается в его стихотворении 1810 г. «Счастливец», где напрямую оказываются взаимосвязаны состояния счастья и совесть (об этом см. подробнее [18]):

Душ великих сладострастье.
Совесть! зорки й страж сердец!
Без тебя ничтожно *счастье*¹.
Гибель – злато и венец [5, 142]!

«Нечистая совесть спать не дает, а чистая совесть – постоянный праздник и *счастье*» [17, 56].

Представления о ценности личности связываются у Батюшкова не столько с его местом на государственной иерархической лестнице, как это было в классицизме, не с соотносённостью жизненных позиций человека с общепринятыми нормами, как того требовал сентиментализм, а с богатством внутреннего мира личности. «Просвещенная личность одновременно и противостоит господствующим моральным нормам, и воплощает в себе

¹ Курсив здесь и далее в цитатах из стихотворений К. Н. Батюшкова мой.

С. В. Рудакова

положительные начала прогресса и процветания». Человек нашёл идеал в самом себе, сделав свой внутренний мир мерой ценности, определяющей его жизнь. Вот почему в мире поэта герой ищет уединения от светской жизни, предпочитает дворцам и палатам «родное гнездо» и шалаш, увеселениям и праздникам – скромную обстановку и домашний очаг.

«Маленькая философия» Батюшкова выражала разочарование в свете, в суетной действительности, но она же предполагала, что личное счастье вполне доступно одинокой личности в мечтах, в уединении от окружающей среды, в погружении в мир высоких духовных и культурных интересов. Чувствительная и гуманная личность, считал поэт, способна создать вдали от пустых эгоистических забот и корыстных расчётов свой прекрасный, наполненный цветами, искусством, любовью, дружбой особый уголок, где она будет восторгаться, наслаждаться духовными радостями и наполняться счастьем.

В ранней лирике Батюшков задумывается и о том, что для разных людей счастье может соотноситься с различными проявлениями бытия. И в ряде стихотворений герой Батюшкова, поэт, оказавшись перед выбором – земное счастье и материальные блага или возможность следовать своему поэтическому призванию, дарующему духовные и эмоциональные удовольствия, делает выбор в пользу последнего:

На жизненном пути ему дарует Гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену *счастья* и скудных мира благ:
С ним муза тайная живет во всех местах [5, 127]
(«Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений...»
(«Послание И. М. Муравьеву-Апостолу», 1814–1815))

Появляется у Батюшкова и ряд стихотворений, в которых представлена концепция счастья людей, погруженных в суетные заботы о материальном довольстве, о светских успехах. Счастье этих людей для поэта и его лирического героя кажется мнимым, пустым:

О ты, который при дворе,
В чаду успехов или *счастья*,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье [5, 117]!
(«О ты, который среди обедов...» («Послание
к Тургеневу», 1816));
В богатстве ль *счастье*? В нем призрак, тщетный вид [5, 72]!

(«Напрасно осыпал я жертвенник цветами...»
(«Тибуллова элегия III», 1809)).

Истинное же счастье в ранней лирике Батюшкова соотносится с миром гедонистических удовольствий, связано оно, прежде всего, с миром любви, ассоциируется с возлюбленной:

Счастлив! счастлив, кто цветами
Дни любви украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о *счастье*... мечтал!
Счастлив он, и втрое боле,
Всех вельможей и царей [5, 125]!

(«К Петину», 1810);

Пой, любимец *счастья*,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны...[5, 120]

(«Прости, балладник мой...» («К Жуковскому», 1812));
И рвал в чужбине *счастья* розы
С красавицей другой [5, 135]

(«Гусар, на саблю опираясь...» («Разлука», 1812–1813));
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность твою и *счастье* находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Всё, всё у ног твоих, как тяжкий сон, забыть [5]
(«Я чувствую, мой дар в поэзии погас...» («Элегия», 1815)).

Во многих ранних стихотворениях Батюшкова в характеристике счастья обнаруживается следование романтическим представлениям о счастье, потому что счастье оказывается связано не только с наслаждением, но и с мечтой. Уже в своих первых произведениях поэт высказывает мысли относительно кратковременности счастья, но это пока его не пугает, а напротив, заставляет ценить каждое её мгновение, особенно то, что связано с весельем, потому герой Батюшкова выражает страстное желание отдаться мечте и вкушать радость жизни, успеть получить от неё удовольствие:

И так *мечтаньем* бываем к *счастью* ближе [5, 204]

(«Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях...»
(«Послание к Н. И. Гнедичу», 1805));

С. В. Рудакова

Не долго нам и в *счастьи* жить!
Не долго – но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта – прямая *счастья* мать! <...>
Какое *счастье*! Вахх веселый
Густое здесь вино нам льет [5, 461]
(«Подайте мне свирель простую...» («Совет друзьям»,
(1806));

Дни любви украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о *счастьи*... **мечтал**!
Счастлив он, и втрое боле,
Всех вельможей и царей! [5, 125]
(«О любимец бога брани...» («К Петину», 1810)).

Счастье для Батюшкова в ранней лирике соотносится с миром поэтов, способных исполнить свое предназначение и испытывать наслаждение от реализации своего дара, их счастье – в игнорировании внешней суеты и погруженности в мир своей души (потому определяются они как «ленивцы»), в напряженной духовной работе, в удовольствии от использования по максимуму способности мыслить и творить:

Но *счастью певцов*
Удел есть скромна сень, мир, вольность и покойство.
Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой [5, 475]
(«Мечта», 1802–1803);

Какое *счастье*, милый брат!
Я буду **в мудрости соперник Пифагора**!
Какое *счастье*! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но **красноречья дар**, конечно, не забуду [5, 149]
(«Объехав свет кругом...» («Странствователь и домосед»,
1814–1815)).

Для Батюшкова залогом счастья часто оказываются неспешность, покой, несуетность:

Беспечные *счастливицы*,
Философы - ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!

Придите в час беспечный
Мой домик навестить –
Поспорить и попить! [5, 113]

(«Мои пенаты», 1811).

В своем в чем-то шутовском, в чем-то серьезном «Похвальном слове сну», которое можно рассматривать как апологию лени и беспечности (это своего рода прототипическая основа знаменитой лени Обломова), Батюшков создает аллегорический образ счастливого баловня Фортуны. Он представлен в одном из эпизодов как младенец, мирно спящий на краю колодца (бездны): «Спи же, малютка! пока страсти и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать и пока Фортуна поддерживает тебя благодетельною рукою на краю зияющей бездны! [5, 355]. В этой картине ощущается поэтизация покоя, через нее утверждается мысль, что именно таким людям благоволит Фортуна, защищая от жесткого мира; но в контексте описаний угадывается и то, что в поздних произведениях автора определяющим: страх перед бездной, ощущение незащищенности перед миром (если судьба прихотливо изменит свое отношение к человеку).

Счастье мыслится Батюшковым и как одна из ипостасей свободы:

Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой [5, 89]

(«Мой друг! я видел море зла...» («К Дашкову», 1813));

Яснеет солнца свет,
Всё славит *счастье* и *свободу* [5, 91]

(«Пленный», 1814)

Покой, как и уединение, рассматриваются лирическим героем Батюшкова в качестве своего рода залога счастья:

Уединение, источник благ и *счастья*!

Места любимые! [5, 138]

(«Могольцу снилися жилища Елисейски...» («Сон могольца: Баснь», 1808).

Однако мечтая и стремясь к счастью, поэт уже в ранней лирике осознает краткость земной жизни человека и мимолетность счастья:

Как *счастье* медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит! [5, 206]

(«Как счастье медленно приходит...» («Элегия», 1804-1805));

С. В. Рудакова

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни *счастье*? [5, 97]
 («Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?»
 («К другу», 1815));
За крылатый *счастья* миг! [5, 123]
 («О любимец бога брани...» («К Петину», 1810));
Ах! не долго веселиться
И не веки в *счастьи* жить! <...>
«Часы крылаты! не летите,
И *счастье* мигом хоть продлите!» [5, 79]
 («Вы, други, вы опять со мною...» («Веселый час», 1809–
 1810)).

В послании «Мои пенаты», обращенном к П. А. Вяземскому и В. А. Жуковскому, автор призывает друзей забыть, хотя бы на миг, о неотвратимости смерти, о беге времени, насладиться поэзией, дружбой, любовью, окунуться в счастье:

Мои друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы [1934, 114].

Тема веселья и счастья в ранней лирике часто оказывается связана с темой смерти. Обусловлено это было многими факторами, но один из них – то, что маленькая философия Батюшкова была сосредоточена на личном счастье, на личных чувствах, в кругу земных забот отдельной личности. Потому рано или поздно должен был возникнуть вопрос о конце земных радостей человека, о смерти, которая должна неминуема настичь наслаждающегося жизнью счастливец.

Но мысль о смерти в ранней лирике Батюшкова не только не омрачает радость жизни лирическому герою, но заставляет его вдвойне дорожить. Для поэта характерно неверие в загробную жизнь в отличие от Жуковского:

Умру, друзья, и все со мной [5, 462]
 («Совет друзьям», 1806);
Час *блаженнейший*!

Но ах! Мертвые не воскрешают [5, 71]
(«Привидение», 1810).

Само неверие в загробную жизнь по просветительской идеологии ещё более повышало ценность земного существования [1; 2; 15]. Потому близка поэзии Батюшкова интерпретация П. И. Шаликовым философии Эпикура: «Эпикур особенно старался рассеять ужас смерти. Ежели вы счастливы, ежели вы прожили во всяком довольстве, то чего вы ожидаете?! Оставьте жизнь так, как оставляют пир...» Тема смерти и тема наслаждения оказываются нередко у Батюшкова в его произведениях рядом («Ответ Гнедичу», «Привидение», «Мои пенаты» и др.).

Однако уже в эпикурейской лирике Батюшкова сквозь «розы сладострастья» проглядывал тот внутренний трагизм, что станет определяющим в позднем творчестве поэта и который так и не был понят современниками поэта; картины веселья сменяются вдруг сценами, рождающими чувство опустошенности и даже какого-то ужаса:

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид.
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит [5, 142]
(«Счастливец», 1810).

Образ «крокодила», живущего в сердце человеческом, заимствован автором у Шатобриана, однако смысл этого образа им углублен. В контексте стихотворения он символизирует скрытую трагедию человека.

Счастье предстает состоянием скорее неуловимым, вообразяемы, чем реальным:

И так мечтанием бываем к *счастью* ближе,
А *счастье* лишь там живет,
Где нас, безумных, нет.
Мы сказки любим все, мы – дети, но большие [5, 204]
(«Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях...» («Послание к Н. И. Гнедичу», 1805)).

Чем старше становится поэт, тем чаще он задумывается о коварной неуловимости счастья, едва прикоснувшись к нему, человек вновь его теряет. Потому в трактовке счастья в лирике Батюшкова все чаще ощущается трагичность, обусловленная осознанием невозможности достичь и удержать счастье:

С. В. Рудакова

За *счастьем* мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед – и в пропасть упадаем [5, 193]!
(«Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться...» («Послание к Хлое:
Подражание», 1804–1805);

И в любви, и на войне
Время жизни в скуке трачу
(За крылатый *счастья* миг!) [5, 123]
(«К Петину», 1810);

Как снова *счастье* мне коварно изменило
В любви и дружестве... во всем... [5, 452]
(«Я чувствую, мой дар в поэзии погас...» («Элегия»,
1815)).

Заключение

Жизнь поэта, как и его творчество (это касается и образной, и мотивной, и эмоциональной сферы), оказалась между двумя полюсами: с одной стороны, счастье, наслаждение, страсть, с другой – несчастье, разочарование, равнодушие, безразличие. Чем старше становился поэт, тем острее он это осознавал и яростней пытался найти способ преодолеть скуку, вырваться из объятий несчастья и снова обрести возможность быть счастливым, снова научиться вкушать радость и получать от всего происходящего вокруг удовольствие. Но все чаще несчастья, скука воспринимались поэтом как некий удел, как норма обыденной жизни. А потому преодоление их стало ассоциироваться с преодолением самой действительности, подчинившей человека своей воле. Однако подобное ни самому поэту, ни его лирическому герою осуществить не удалось. Счастье, такое осязаемое в начале творческого пути Батюшкова, в финале его поэтической судьбы воспринималось им как неувимое, ускользающее или же вообще недостижимое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 117–125.
2. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
3. Батюшков К. Н. Сочинения под ред. Л. Н. Майкова. Т. III. Письма. Санкт-Петербург: П. Н. Батюшков, 1886. 804 с.
4. Батюшков К. Н. Похвальное слово сну: Письмо к редактору «Вестника Европы» // Батюшков К. Н. Сочинения. Москва, Ленинград: Academia, 1934. С. 348–361.

5. Батюшков К. Н. Сочинения. Ред., ст. и комм. Д. Д. Благого. Москва, Ленинград: Academia, 1934. 749 с.
6. Благой Д. Д. Судьба Батюшкова // Батюшков К. Н. Сочинения. Москва, Ленинград: Academia, 1934. С. 7–39.
7. Батюшков К. Н. Чужое – мое сокровище // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; Изд. подгот. И. М. Семенко. Москва: Наука, 1977. (Лит. памятники). С. 410–428.
8. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка К. Н. Батюшкова. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2018. 97 с.
9. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 8. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. 526 с.
10. Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009, 71–113.
11. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. Москва: Худож. литература, 1965. 355 с.
12. Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков: ПОИПКРО, 1995. 123 с.
13. Ксенофонт. Сократические сочинения. Москва, Ленинград: Academia, 1935. 419 с.
14. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 46–75.
15. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937.
17. Разумкова Н. В. Художественный текст сквозь призму аксиологии (на материале лирики К. Н. Батюшкова) // Русский язык и литература в образовательном пространстве азиатского региона. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня образования кафедры русского языка и общего языкознания, кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Доржи Банзарова, 2017. С. 55–57.
18. Разумкова Н. В. Этический контекст поэтической картины мира Батюшкова (на примере стихотворения «Счастливец») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 272–278.
19. Рудакова С. В. К. Н. Батюшков и Е. А. Боратынский: «диалоги» с Парни // Libri Magistri. 2015. № 1. С. 50–59.

20. Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Москва: Наука, 1977. С. 433–492.
21. Сергеева-Клятис А. Ю. Русский амфир и поэзия Константина Батюшкова = Russian empire style and poetry of Konstantin Batushkov: в 2 ч. Ч. 2. Мјсrdf: Изд-во Моск. культуролог. лица № 1310, 2001. 86 с.
22. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. Москва: Наука, 1971. 384 с.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. K voprosu o russkom schast'e (pojezija XVIII veka) [To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri. 2015. № 1. Pp. 117–125.
2. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj pojezii XVIII-XIX vv.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // Problemy istorii, filologii, kul'tury kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.
3. Batjushkov K. N. Sochinenija [Works] pod red. L. N. Majkova. Vol. III. Pis'ma. Sankt-Peterburg: P. N. Batjushkov, 1886. 804 p.
4. Batjushkov K. N. Pohval'noe slovo snu: Pis'mo k redaktoru «Vestnika Evropy» [Praise for Sleep: A Letter to the Editor of the Herald of Europe] // Batjushkov K. N. Sochinenija [Works]. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. Pp. 348–361.
5. Batjushkov K. N. Sochinenija [Works]. Red., st. i komm. D. D. Blagogo. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. 749 p.
6. Blagoj D. D. Sud'ba Batjushkova [Batiushkov's Fate] // Batjushkov K. N. Sochinenija [Works]. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. Pp. 7–39.
7. Batjushkov K. N. Chuzhoe – moe sokrovishhe [Stranger - my treasure] // Batjushkov K. N. Opyty v stihah i proze [Experiments in verse and prose] / AN SSSR; Izd. podgot. I. M. Semenko. Moscow: Nauka, 1977. (Lit. pamjatniki). Pp. 410–428.
8. Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. Slovar' pojeticheskogo jazyka K. N. Batjushkova. Moscow: FLINTA: Nauka, 2018. 97 p.
9. Vjazemskij P. A. Poln. sobr. soch. [Complete Works]: v 12 vol. Vol. 8. Sankt-Peterburg: Tip. M. M. Stasjulevicha, 1883. 526 p.
10. Grishina E. A., Korchagin K. M., Plungian V. A., Sichinava D. V. Pojeticheskij korpus v ramkah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka: obshhaja struktura i perspektivy ispol'zovanija [oetic Corpus within the National Corpus of the Russian Language: General Structure and Prospects of Use] // Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2009, Pp. 71–113.

11. Gukovskij G. A. Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and the Russian Romantics]. Moscow: Hudozh. literatura, 1965. 355 p.
12. Koshelev V. A. V predchuvstvii Pushkina: Batjushkov v ruskoj slovesnosti nachala XIX veka [In Premonition of Pushkin: Batiushkov in Early 19th Century Russian Literature]. Pskov: POIPKRO, 1995. 123 p.
13. Ksenofont. Sokraticheskie sochinenija [Socratic Writings]. Moscow, Leningrad: Academia, 1935. 419 p.
14. Margolis Ja. M. Kolichestvennyj analiz slovaroj i tranzita ruskojazyčnoj poeziji [Margolis J. M. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 46–75.
15. Petrov A. V. Fenomenologiya «ruskogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologičeskoj shkoly po izucheniju ruskoj poeziji XVIII–XIX vekov [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48.
16. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. [Complete Works]: v 16 vol. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937.
17. Razumkova N. V. Hudozhestvennyj tekst skvoz' prizmu aksiologii (na materiale liriki K. N. Batjushkova) // Russkij jazyk i literatura v obrazovatel'nom prostranstve aziatskogo regiona. Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashhennoj 85-letiju so dnja obrazovanija kafedry ruskogo jazyka i obshhego jazykoznanija, kafedry ruskoj i zarubeznoj literatury Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Udže: Izd-vo Burjat. gos. un-ta im. Dorzhi Banzarova, 2017. Pp. 55–57.
18. Razumkova N. V. Jetičeskij kontekst pojetičeskoj kartiny mira Batjushkova (na primere stihotvorenija «Schastlivec») [Ethical Context of the Batiushkov's Poetic Picture of the World (on the Example of the Lyrical Text "Schastliv'ets")] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2015. T. 1. № 4. Pp. 272–278.
19. Rudakova S. V. K. N. Batjushkov i E. A. Boratynskij: «dialogi» s Parni [Batiushkov and E. Boratynsky: «Dialogues» with Parni] // Libri Magistri. 2015. № 1. Pp. 50–59.
20. Semenko I. M. Batjushkov i ego «Opyty» [Batiushkov and his "Experiments"] // Batjushkov K. N. Opyty v stihah i proze [Experiments in verse and prose]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 433–492.
21. Sergeeva-Kljatis A. Ju. Russkij ampir i poezija Konstantina Batjushkova = Russian empire style and poetry of Konstantin Batiushkov: v 2 ch. Ch. 2. Moscow: Izd-vo Mosk. kul'turolog. liceja № 1310, 2001. 86 p.
22. Fridman N. V. Poezija Batjushkova [Batiushkov's Poetry]. Moscow: Nauka, 1971. 384 p.

С. В. Рудакова

«THE WINGED MOMENT OF HAPPINESS...»: THE PHENOMENON
OF HAPPINESS IN K. N. BATIUSHKOV'S LYRICS

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

This article focuses on the analysis of K. N. Batiushkov's poetic world and the identification of the peculiarity of this poet's ideas of happiness. With the help of motive, hermeneutic and statistical analysis (the lexeme happiness from the lyrics of this Russian Romantic poet, represented in the poetic corpus of the Russian language, is analyzed), the significance of Batiushkov's ideas of happiness in his works is revealed, the dynamics of changes in this poet's ideas of happiness is studied. The attention is paid to duality - the most important feature of Batiushkov's poetic world. It is not only in the fact that he is a poet, created simultaneously under the influence of the 18th century era, with its strict rules, and the Alexander era, with its spirit of liberty as well. On the one hand Batiushkov's duality is manifested in a hedonistic, epicurean, cheerful attitude to life, which brings him closer, for example, to the French elegiac E. Parny, on the other hand there is a tragic attitude to life associated with an understanding of the transience of life and fleeting happiness. A statistical analysis of the frequent use of the lexemes happiness in the lyrics of A. S. Pushkin, A.A. Delvig, E. A. Boratynsky and K. N. Batiushkov was carried out. This allowed us to conclude that the word 'happiness', not being represented among the 20 words actively used by Batiushkov, is nevertheless at its maximum in terms of frequency, as compared to the works of the above mentioned contemporaries of the poet. The influence of light poetry on the formation of Batiushkov's artistic world is revealed, the connection of this poet with the enlightened attitude to life and happiness is viewed. The impact of eudemonic (originating from antique philosophy) ideas of happiness on Batiushkov is considered, it is shown that very often this category is correlated with axiological categories, first of all with the notion of conscience.

Keywords: K. N. Batiushkov, the search for happiness, easy poetry, hedonism, epicureanism, eudemonism, dream, suffering, «Blessed is he who...»

Для цитирования: Рудакова С. В. «Крылатый счастья миг...»: феномен счастья в лирике К. Н. Батюшкова // *Libri Magistri*. 2021. № 1 (15). С. 148–166.

Поступила в редакцию 10.01.2021